

ЦАРЁВА НАТАЛЬЯ
СТАРУХИ

(Ницьё старицьё)

Наталия Царёва

Старухи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23855944

Наталия Царёва Старухи (Ничьё старичьё): Страта; Москва; 2016

Аннотация

5-я заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (*Исх.20:12*)

В современной прозе мало кто затрагивает болезную тему одиночества стариков. Автор повести взялся за рискованное дело, и ему удалось эту тему раскрыть. И сделано это не с чувством жалости, а с восхищением «старухами», которые сумели преодолеть собственное одиночество, став победителями над трагедиями жизни.

Будучи оторванными от мира, обделенные заботой, которую они заслужили, «старухи» не потеряли чувство юмора и благородство души. Они готовы ради ближнего жертвовать своей жизнью.

Хочется верить, что наше поколение будет следовать пятой заповеди – почитать родителей. Ибо для каждого из нас огромное счастье знать, что ты нужен своим близким...

Внимание: в произведении встречается ненормативная лексика, которая оправдана характерами персонажей и жизненными ситуациями.

Наталья Царёва

Старухи (Ничьё старичьё)

Вилене Бреннер посвящается

*«Друг друга тяготы носите...»
(Гал. 6.2)*

* * *

Дети всё не ехали, и тоска прибывала, сдавливая голову, сердце и душу... Только в самые немощные минуты, чтобы не захлебнуться тоской окончательно, Елена Олеговна включала свой плохонький телевизор.

Включила и на этот раз.

Говорили о «мате». Приводили в его защиту всевозможные доводы. Стало быть, оправдывали употребление скабрёзных слов? Выходит, что так. Основным доводом, оправдывающим употребление в речи не просто плохих, а очень плохих слов, был такой: у этих слов сильная энергетика! Во время войны худенькие девочки-медсёстры, якобы, с помощью нецензурных слов выносили с поля боя раненых мужчин, которые были в два-три раза тяжелее их самих...

Не понравилась Елене Олеговне передача, но, тем не ме-

нее, она досмотрела её до конца. Потом выключила телевизор и села за стол писать на телевидение разгромную статью-отклик.

«Вы профессионалы или нет?! – писала Елена Олеговна. – Если всё-таки профессионалы, то должны знать, что любое слово (любое!) заряжено энергетикой, положительной или отрицательной. О динамизации и сумасшедшей энергетике «матерного» слова известно давно. Да! Дьявол силён. Но почему вы не говорите о тех медсёстрах, которые обращались за помощью к Богу? Силу молитвы и её влияние на поведение и душу человека нельзя сравнить ни с какими другими словами. Кто искренне молится, тот знает об этом...»

Сама Елена Олеговна об этом знала, но искренне молиться получалось у неё редко...

«Не повод же это для того, чтобы примириться с грязными словами...», – подумала Елена Олеговна и после краткого внутреннего замешательства от сознания своего несовершенства продолжила письмо на телевидение.

Итак... «Что, на ваш «умный» взгляд, означает мат? Я отвечу за вас. Это словесная форма истерики. И, как и всякая истерика, она удесятерит силы человека. Вы, наверное, слышали, что сумасшедшие необыкновенно сильны? Чем это объясняется? Ненормальным состоянием психики.

Люди предали слова молитвы, но свято место пусто не бывает. Дьявол, подсутившись, прислал нам вместо слов молитвы дремучие и гремучие слова, наделив их своей дья-

вольской силой, а мы с вами знаем, что он, дьявол, ой как силён! Подумать только! Слова-враги стали друзьями, а слова-друзья если и не стали врагами, то просто исчезли из нашей жизни. Куда это годится?! И детей не жалеете, убеждая людей в том, что и детям необходимо знать эти «народные», «звучные», «сильные» слова. Пусть, мол, слушают и смотрят на самую жизнь! И марают, марают, марают... Без зазрения совести марают... Если не вдаваться в этимологию слова «мораль», то ваша мораль (людей из «ящичков») от слова «марать». Как хотите, но это так...»

Елена Олеговна почувствовала, что слишком раздражена «разговором» с авторами передачи и, чтобы не разозлиться окончательно, решила заняться чем-нибудь другим... Ну, скажем, попить чаю. А что? Мысль «попить чаю» показалась ей очень даже замечательной. Мысль эта очень скоро обрела ясные и четкие формы. Елена Олеговна пошла на кухню, покачала туда-сюда чайник, но не услышала в нём плеска воды. Глянула в ведро – и ведро пустое! Совершенно! Даже доньшко сухое. Попила, называется, чаю!

Елена Олеговна вернулась к столу, постояла немного, глядя в окно, присела на краешек стула, взяла ручку с намерением продолжить письмо, но раздумала... Положила ручку на место и громко сказала невидимым «телевизионщикам»:

– А пойду-ка я на озеро за водой. Нет сил с вами разговаривать без чаю. Приду и допишу... Может быть... Если захочу...

Но, прежде, чем выйти из дома, Елена Олеговна глянула в окошко кухни... Сидят!

* * *

Участок Елены Олеговны расположен у самого озера, на небольшом склоне. Наверху участка стоит её «дом» – бревенчатая, заросшая бурьяном хибарка, которую Елена Олеговна гордо называет «домом». В хибарке две крошечные комнаты и крошечная кухня. С обратной от крыльца стороны – небольшой навес, где, по идее, должны лежать дрова, но стоят сломанный стул, сломанный стол и сломанная кровать. Еще в летнее время там «живут» два велосипеда: сына и внучки. Стоит хибарка почти у самого забора – деревянного, почерневшего и покосившегося. Окна комнат выходят на участок, а окна кухни – на забор, у которого со стороны «улицы», рядом с тропинкой к озеру, стоит длинная скамейка. На ней в хорошую погоду почти всегда сидят старухи...

Причем, еще года четыре назад здесь редко кто сидел, разве что сама Елена Олеговна присаживалась, когда возвращалась после купания в озере или когда ходила туда за водой... Потом стали постоянно приходиться две старухи, потом с каждым годом количество старух увеличивалось. И это все были какие-то новые старухи... Сами по себе они, конечно, новыми не были (разве старухи бывают новыми?), но для деревни – это новички. Раньше они тут не жили... И вот теперь

скамейка была полна!

Просто беда! Не пройти мимо! А за озёрной водой надо проходить именно мимо скамейки с сидящими старухами. И никуда не денешься... Надо проходить... Решила Елена Олеговна немного подождать. «Может, «рассосутся» старухи...» Походила по своей развалюшке, посидела на табуретке... Снова глянула в окно. Сидят! Ещё бы не сидеть... У такого-то озера!

Это чудное озеро Елена Олеговна полюбила сразу. Красивое, щедрое и... святое. Да, да, святое! Святым его называли старожилы, которых осталось в деревне всего ничего.

Нашёл это место её сын. Приехал однажды домой с очередных соревнований по карате, где выступали его ученики, и прямо с порога заявил:

– Нас с ребятами возили в фантастическое место! Озеро, лес, почти нет людей... Мы должны купить там дом! Я не прошу себе никогда, если этого не сделаю!

– Это где?

– Недалеко от Белоруссии.

– Ого! И кто там будет жить?

– Ты!

– Почему это я? – как школьница спросила Елена Олеговна. – Чуть что, сразу я... Не поеду. Одна в лесу, без людей... Я не Серафим Саровский... Хотя... жаль...

– Да не бойся ты! Там кое-какие люди есть. Просто мало. Тишина, природа, здоровье... А я буду все время приезжать!

– Что же там такого особенного?!

– Всё.

– Можно я подумаю?.. – попросила Елена Олеговна.

И подумала...

У неё в «запаснике» были кое-какие деньги, которые она называла «кладбищенским фондом». У сына денег не было. Никогда и никаких.

«Смерть подождёт, – решила Елена Олеговна, – а ребёнку – радость».

На следующий день почти пятидесятилетний «ребёнок» взял у матери деньги, поехал в деревню «своей мечты» и купил там «дом».

Когда Елена Олеговна увидела это строение в первый раз, то сильно огорчилась... Неказистый домишко «обещал» рухнуть в любую минуту...

«Зато дешево и действительно красиво вокруг, – успокаивала она себя. – Ну и что, что развалюшка? Неразвалюшек здесь и нет вовсе...»

Через короткое время она привыкла и тоже стала называть хибарку «домом». Так и говорила знакомым:

– Коля дом купил...

И все с уважением смотрели на нее и хвалили сына.

Порой Елене Олеговне приходила в голову невозможная мысль – поставить здесь монастырь. Не часовню, не отдельный храм, а именно монастырь! Лес, озеро... Здесь даже она, такая ленивая, молится по нескольку раз на дню. Своими

словами, конечно, коротко, но молится!

Но монастырь ставить было некому...

В этой умирающей деревеньке на границе Псковщины и Беларуси старухи жили и выживали только благодаря озеру и лесу. Стариков было всего два (или три?), да и те были уже «бабаями». Так называл стариков Шамиль, её сосед по дому в Питере. Он объяснил Елене Олеговне, что по-татарски «бабай» – это старик, который уже не мужчина, но и женщиной его назвать нельзя... Он просто «бабай».

Иногда в деревню на день-два приезжали молодые – навестить своих бабушек. Бывало, заезжали и «чужаки», прослышавшие о красоте этого чудного места. Любовались, отдыхали, но жить почему-то не оставались, хотя в деревеньке было много пустых, «ничьих», домов. И вот... Эти старухи... Пополнение...

Почти каждый день, утром или вечером, а бывало, что с утра до вечера, старухи сидели на скамейке под окном её дома. По этой причине Елена Олеговна перестала плавать в озере, принимать у воды воздушные ванны, а это ей было, ой, как нужно. Тем более, она любила плавать. С детства плавала хорошо...

Для питья воду можно было, конечно, брать из колонки, которая через дорогу, с другой стороны участка (там тоже есть калитка). Колонка старухам со скамейки не видна, но... Вода там не та! Не такая, как в озере. И запах не тот, и вкус...

И снова вопрос: откуда взялись эти старухи?! Кто их при-

вёз? Елену Олеговну, например, привёз сын. Осенью он увозит её обратно в Питер. Его все видели, все знают. Сын и внучка, пусть редко, но приезжают отдохнуть. Наверное, и у этих старух есть дети... Но этих детей никто никогда не видел и ничего о них не знает. Даже Райка не знает. Только к Ульяне, большой и грозной старухе, приезжает сын на длинной черной машине. По словам Райки, сын Ульяны привозит всё необходимое для жизни в деревне не только своей матери, но и всех её подруг.

И как им тут живётся? Радостно ли? Печально? А ей самой как живется? Радостно или печально? Теперь скорее печально... А по приезде всё было не так.

* * *

Первым летом в деревне Елена Олеговна чувствовала себя спокойно-счастливым человеком. Как никогда. Она была в радостном изумлении от того, что видела вокруг. А видела она, прежде всего, озеро, потом – сад у дома, кем-то когда-то посаженный, лес, поля, уходящие далеко за горизонт...

В то лето Елена Олеговна часто стояла на пороге своей избы, наблюдая ночь, которая всегда много значила для нее. Ночью многое удаётся людям. Ночь умудряет человека. Ночью хорошо молиться, не пропадает ни одно слово молитвы... «Отче наш!.. Да святится имя Твоё!.. Да будет воля Твоя!..» Она благодарила Бога и просила прощения за свои

грехи и недовольство жизнью... А утром в ожидании встречи с новым днём легко и радостно вставалось.

Первое лето пролетело очень быстро. За летом, как водится, пришла осень. Такой осени у Елены Олеговны тоже никогда не было. Тепло! И в сентябре, и в октябре... Но теплынь какая-то особенная, с предчувствием, что всё может враз измениться...

Накануне отъезда (двадцать седьмого октября) был чудный день, а за ним – такая же чудная, волшебная ночь. Без преувеличения! Распахнулось небо, и рассыпались по нему звёзды.

Ей вспомнились строки Полежаева:

Простри на небеса
Задумчивый свой взор:
Не зришь ли в них Творцу
Согласный стройный хор?
Не чувствуешь ли ты
Невольного восторга?
Дерзнёшь ли не признать
И власть, и силу Бога,
Таинственный устав,
Непостижимый перст
В премудром чертеже
Миров, планет и звезд?

Всю зиму Елена Олеговна скучала по деревне и мечтала о

новом лете, но... Такого прекрасного лета, как то, первое, у неё здесь больше не будет никогда...

А ведь всего-то пять лет прошло... Но как все изменилось! Сын и внучка почти совсем перестали приезжать... Сын успел развестись и теперь гулял напропалую... У внучки настал переходный возраст... В деревне откуда-то появились «новые» старухи... И эти «новые» старухи «оккупировали» лавочку возле ее «дома»...

* * *

Иногда Елене Олеговне хотелось подойти к старухам, поговорить, спросить их о чем-нибудь. Например, как они спят по ночам, не страдают ли бессонницей, как она... Хотелось... но она останавливала себя: «Что у меня с ними общего? Ни-че-го! Не впишусь я в их «команду». У них сложилась своя атмосфера, которую я, скорей всего, не пойму и не приму...»

Раиса (жена лесника Василия), крепкая деловитая женщина лет сорока, работавшая в соседней деревне почтальоном и сросшаяся с велосипедом, хоть и общалась с некоторыми из «новых» старух, но знала о них мало.

– Что тут делают эти старухи? – спросила однажды Елена Олеговна Раису. – Откуда они взялись?

– Откуда взялись, я толком не знаю. А плохого ничего не делают. Но... странная история... Как только они посели-

лись здесь, зимой в деревню стали приходиться волки.

– Да ты что?!

– Правда!

– И что?

– Да ничего. Приходят и воют...

– Ужас какой! Съесть что ли старух хотят?

– Вряд ли, – Рая засмеялась. – Старухи их, наверное, подкармливают.

– Нет, Раечка! Тут какая-то другая причина. Волк не дружит с человеком.

– Значит, старушки эти – оборотни, и по ночам в волков превращаются.

Рая опять засмеялась, села на велосипед и уехала.

Так ничего существенного из разговора с Раей о «скамеечных» старухах Елена Олеговна и не узнала. Но стало страшновато...

* * *

А ведро так и стояло пустое. Хочешь – не хочешь, а за водой идти надо. И дорога одна: мимо старух. Туда-то ладно – с пустым ведром, можно быстро проскочить, а обратно – с полным, да ещё и в горку... Горка хоть и небольшая, но всё равно... Елене Олеговне уже многое тяжело делать.

Стала сына ругать. «Как не стыдно?! Две бочки во дворе, а он не удосужился воды наносить. Хитрый какой!» Конечно,

не так уж трудно сходить за водой и самой, но... при одном условии: если на скамейке нет старух.

Решительно взяла ведро и также решительно вышла из дома.

Проходя мимо старух, Елена Олеговна поздоровалась с ними. Старухи ответили ей. Доброжелательно, с улыбкой. «Неплохие все же старухи, – подумала Елена Олеговна. – Желают доброго здоровья... Улыбаются...»

Набрала воды и под взглядами старух пошла назад. Не споткнуться бы!

«И почему у меня всё так сложно?!» – ругала себя Елена Олеговна. Всегда хотела подниматься к вершинам духа... А сама с людьми ладить не может. Смешно!

«Сейчас пройду и мило улыбнусь», – решила Елена Олеговна. И прошла, и мило улыбнулась. Старухи тоже улыбнулись в ответ и тоже довольно мило. Лишь одна, которая никогда без нецензурных слов не разговаривала, улыбнулась озорно и ехидно. Может, показалось?.. Что возьмёшь с невоспитанной старухи?! Для этой старушенции Елена Олеговна давно придумала подходящее, на ее взгляд, прозвище – Хулиганка.

Прошла, наконец, мимо. Подошла к калитке. Не видит, но догадывается, что старухи смотрят ей в спину, и даже знает, что при этом думают. А думают про её сына и думают не очень хорошо. Привёз, мол, мать в заброшенную деревеньку, поселил в полуразрушенной избушке и оставил одну, чтобы

не мешала ему жить в далёком и прекрасном Петербурге. «А это уже не ваше дело!» – мысленно огрызнулась Елена Олеговна. А калитка, как нарочно, не открывается... Ну, никак! Крючок заело... А одна рука ведром занята...

Не успела Елена Олеговна поставить ведро на землю, как оно вдруг стало невесомым.

– Ой! – вскрикнула от неожиданности Елена Олеговна и повернула голову.

Рядом с ней стояла та самая ядовитая старуха, которую Елена Олеговна прозвала Хулиганкой. Была эта старуха чуть повыше Елены Олеговны, но худее. Лицо острое, как топорик. Несмотря на старухин возраст, в пластике её движений и во всей фигуре угадывались сила и ловкость.

– «Постой, да ты неловок, дай-ка я...» – без улыбки сказала старуха.

– Не надо! Нет, нет! Зачем? Я сама могу...

– Тихо! – прикрикнула старуха, и Елена Олеговна, отпустив дужку ведра, покорно замолчала. – Открывай!

Елена Олеговна двумя руками легко откинула крючок и открыла калитку.

Старуха поставила ведро именно на ту табуретку, на которой оно всегда стояло. Как будто знала о его постоянном в доме месте. Поставила и только потом спросила:

– Все правильно?

– Да, очень хорошо, – суетливо сказала Елена Олеговна. – Спасибо вам большое. Может, чайку?

– Не. Ничего не надо. «Спасибо» – и то много. Твои засранцы ещё когда придут! А мы всегда тут.

– Да, они редко приезжают... – согласилась Елена Олеговна.

– Вот видишь!

– Но они же не просто так не едут. Они заняты. Им – некогда...

– Да что ты говоришь?! И очень заняты?

– Очень.

– А если приезжают, то почти сразу и уезжают! Ведь так?

– Так... И мне очень грустно тогда... – неожиданно для себя призналась Елена Олеговна.

– Я знаю.

– У вас так же?

– Нет, не так же. Просто знаю и всё.

– Откуда?

– Как думаешь?

– Не знаю...

– Ладно, скажу, чтоб не мучилась.

– Скажите.

– От него самого! От верблюда!

Елена Олеговна улыбнулась незамысловатой бородатой шутке. Гостья задала вопрос:

– А что ты делаешь целыми днями?

Елена Олеговна смутилась.

– У меня дела...

Старуха подошла к столу, сплошь покрытому исписанными листами.

– Это ты столько наваляла?

– Я, – виновато призналась Елена Олеговна.

– Что пишешь?

– Разное.

– Разное?! – удивилась старуха. – Про гвозди, про голых баб, про Ленина, про червей, про паровозы? Так что ли?

– Вообще-то я пишу о словах, – поправилась Елена Олеговна.

– О каких словах? – не унималась старуха. – Я их много знаю!

– О разных.

– Ага... И много набрала слов?

– Много.

– Тысячу?

– Намного больше.

– Больше?!

– Значительно больше.

– Для чего они тебе?

– Просто люблю слова.

– Всякие?

– Всякие.

– И «жопа»?

Елена Олеговна на несколько секунд замолчала. Потом произнесла:

– Не знаю...

– То-то и оно, что не знаешь. Сидишь тут как сын. К нам не приходишь.

– Занята я очень.

Старуха захохотала.

– Во дает! Занята! Книжки, небось, читаешь. Умничаешь сама с собой.

– Книжки читаю, но что касается умничанья...

– Да замолчи ты! Людей ты не видишь в упор, а это плохо.

– Почему? Вижу.

– Издали?

Елена Олеговна начала сердиться.

– Я не понимаю... Вам-то что?

– Не поверишь! Жалко тебя.

– Вы себя жалеите.

– Себя-то жалеем, а тебя вот некому. Одна и одна.

– Я не одна! Со мной природа. Со мной, в конце концов, Бог.

– Да ты что?! А где он у тебя?

– Везде.

Старуха, ухмыляясь, огляделась вокруг:

– Где везде? Не вижу. Рухлядь всякую вижу. Печку нерабочую вижу... Где же везде?

– Везде – это, значит, везде. В лесу, в поле, на озере, в небе...

– И ты его видишь?

– Нет.

– М-м-м...

– Но я с ним разговариваю.

– И о чём?

– Обо всём.

– Опять двадцать пять! «Обо всем»... И о тухлых яйцах?!

– Прекратите! Нельзя так говорить! Зачем вам все это?

– Считаешь, что я твои разговоры с Богом не пойму?

– Слушайте! Давайте всё-таки чай пить.

– Не хочу я твоего чаю! А ты мне лучше скажи вот что...

Человек Богом создан?

– Да. И по образу Его.

– Почему же тогда человек все время зло творит?

– Вы о конкретном человеке говорите или вообще?

– Какая тебе разница?

– Существенная. Если вы говорите вообще о человеке, то это философия, а если о конкретном человеке, то это жизнь.

– Я о себе говорю, а поэтому говори просто. Не мудри и не умничай.

– Постараюсь. Видите ли... Человек слаб. Любой. А дьявол силен... Это внутренняя борьба...

– Не п. ди! – оборвала Елену Олеговну старуха и, повернувшись, решительным шагом вышла из дома, не сказав хозяйке «до свидания».

Елена Олеговна постояла в недоумении у двери, в которую только что вышла гостья, затем быстро вернулась к сто-

лу, присела на табуретку и, придвинув недописанное письмо, решительно «дописала»: «А вы сидите там на своём телевидении и не п. дите!»»

* * *

Вот и состоялось знакомство Елены Олеговны со старухами. Причём, с одной из самых одиозных фигур старушечьего сообщества.

Елена Олеговна вынуждена была признать, что эти старухи стали серьезно обращать на себя её внимание. Теперь она часто подходила к кухонному окошку, приоткрывала его и подолгу слушала их разговоры, и почти перестала писать... Если честно, то старухи тут не причём... Еще ее муж говорил: «Ты, Ленка, очень талантливая, но ленивая, и тоже – очень». Когда он об этом сказал! Сколько лет прошло! Но сказанное им не устарело и сегодня. А условия-то здесь для «писательства» идеальные...

* * *

Наступил вечер. Ну, не совсем еще вечер, а солнце пошло к закату... Глянула Елена Олеговна в кухонное окошко. Сидят.

«А может написать об этих «ничейных» старухах? Кто о

них ещё напишет, кроме меня? Вот они. Пиши!»

Уже много лет писала Елена Олеговна книгу о словах, но (простите за употребление «бородатой» идиомы) «воз и ныне там». Где там-то?! «Где, где? На бороде! Вот где».

Посидела Елена Олеговна, посмотрела на чистый лист бумаги, и, взяв ручку, написала крупными буквами: «Ничьё старичьё», а в скобках (пониже) – «Старухи».

Она любила книгу Бориса Васильева «Вы чьё, старичьё?» В названии его книги – вопрос: «чьё старичьё?» «А в названии моей книги будет утверждение, что... ничьё. Вот как у меня будет!»

Елена Олеговна задумалась о правомерности своего ответа на вопрос Бориса Васильева, творчество которого очень уважала. В конце концов, она решила, что есть же запасной вариант названия – «Старухи». Это ее удовлетворило.

Знала она о своих героинях пока что очень мало. Сидят на скамеечке у озера. Разговаривают. И что? И ничего. А надо знать о каждой из них всё. До мельчайших подробностей. А что для этого нужно? Жить с ними одной жизнью. А то она, действительно, как сыч... И тут Елена Олеговна призналась себе, что быть «сычом» ей нравится! И намного больше, чем жить с кем-то одной жизнью!

* * *

Еду она, естественно, готовила на кухне, а кухонное окош-

ко, как уже было сказано, выходило прямо на скамейку. И Елена Олеговна, невидимая старухами (как она думала), стала наблюдать за ними, прислушиваться к их разговорам...

Порой старухи забавляли её. Порой удивляли мудростью своих суждений, а порой... Будто спектакль разыгрывали. И какие актрисы подобрались! Всамделишные, колоритные и все разные!

Елена Олеговна насчитала восемь старух. Не каждый день они приходили все. Иногда по двое, по трое, по пятеро... А уж когда все собирались, то места на скамейке не хватало, и тогда некоторые садились на небольшие валуны, «сгруппировавшиеся» напротив скамейки – через тропинку.

Иногда старухи пели. И было это всегда неожиданно для Елены Олеговны. Поначалу она даже пугалась. Закричит какая-нибудь старуха песню, остальные тут же подхватят... Песни – разные. Короткие и длинные, веселые и заунывные... Чаще других пели песню про молодого казака, гуляющего по Дону. Гулять он начал в стародавние времена, но у Елены Олеговны во время исполнения старухами этой песни возникало ощущение, что он и сегодня ещё гуляет и тоскует по давно погибшей невесте... Вместе с казаком тосковали и старухи, а вместе со старухами и Елена Олеговна.

Старухи уже не так раздражали её, а темы некоторых бесед даже нравились. Она прислушивалась к ним, боясь не ухватить смысл разговора. И, конечно же, самым важным для Елены Олеговны было, как и какими словами говорят

старухи.

* * *

Однажды вечером старухи заговорили о Троцком. «Зачем он им?» – недоумевала Елена Олеговна. Откуда «приплыла» к ним эта тема? Впрочем, сейчас о Троцком стали вспоминать по телевидению, по радио, в газетах... Но это всё учёные люди, историки... А это – старухи! Дался он им!

– Отстаньте от меня с вашим Троцким! – запротестовала против разговора о Троцком одна из старух.

Старуха, заговорившая о Троцком, несколько не смутившись отрицательным отношением подруг к заданной ею теме, удивилась:

– Почему? Говорят, неплохой человек был...

– Девки! – заругалась Хулиганка. – На х... вам сдался этот Троцкий на ночь глядя?!

С Хулиганкой согласилась старуха, похожая на шарик, которая получила от Елены Олеговны прозвище «Гламурница» за всегда ярко накрашенные губы и пестрые платья многолетней давности с обтрепанными поясками:

– Это правда! Зачем он нам?! Красота кругом... Посмотрите!

– Это ты о нас? – съехидничала Хулиганка.

Старухи дружно засмеялись. Засмеялась и Елена Олеговна.

* * *

Шли дни, и Елена Олеговна уже воспринимала каждую старуху в отдельности и даже узнавала их по голосам.

Ярче всех выделялась, разумеется, Хулиганка, а вслед за ней та самая старуха, которая первая заговорила о Троцком. «Троцкистка» была среднего роста, не толстая и не худая, сильно сгорбленная, с глазами навывкате, с визгливым голосом и очень быстрой речью. За особое ее пристрастие к разговорам о политике Елена Олеговна сначала прозвала её Политиком, а через какое-то время присвоила и второе имя – Ельцинистка – за то, что та ни с того, ни с сего вдруг начала говорить о Ельцине. Говорила долго, с надрывом, чем и замучивала старух до такой степени, что они начинали обороняться. Сначала роптали тихонько, а вскоре и с громким возмущением.

* * *

Однажды утром старухи, как обычно, сидели на скамейке, и Политик снова стала восхвалять своего кумира.

Одна из старух, которую Елена Олеговна за её исключительную скромность назвала Монашкой, тихо возразила:

– Твой Ельцин – не помазанник Божий.

Монашку поддержала учёная старуха, прозванная Еленой Олеговной Историком:

– И не самодержец.

– И даже не Стас Михайлов! – выкрикнула Хулиганка.

– Вы не правы! – взвизгнула Политик-Ельцинистка. – Он от Бога! И самодержцем мог бы стать! Ему не дали!

– А Стасом Михайловым не стал бы точно! – весомо сказала Хулиганка.

К Ельцинистке подошла большая и грозная старуха Ульяна и стала успокаивать её:

– Успокойся, Оля! Ну, какое твоё дело?! Сиди и смотри на озеро. И потом... Ельцина уже несколько лет как нет. Не свихнись! Немного-то и надо. Что ты, в самом деле?!

– Как что? Как что?! – закричала старуха-Политик. – Он, как и я, был всегда завязан на Россию!

– Ага. Завязан. Морским узлом, б...?! И что дальше?! – подойдя совсем близко к Ельцинистке, закричала ей прямо в лицо Хулиганка.

– А то, что он умер, а дела его остались.

– Уж это точно! – захохотали старухи.

– На себе чувствуем!

– Пинаете мертвого льва?! – заголосила Политик.

– Заткнись, зануда! – в ответ закричала Хулиганка. – Или я сама заткну твоё поганое горло.

– Вот этого, Нина, не надо! – погрозив пальцем, строго сказала Большая старуха.

– Да чего ты, Ульяна? – сбавила тон Хулиганка. – Она же сама... Залупается и залупается...

– А ты терпи!

– Задолбала!

– Иди – окунись.

– И пойду! – с вызовом сказала Хулиганка и, показав кулак Ельцинистке, направилась к озеру.

– Вот и молодец! – похвалила Хулиганку Большая старуха. – И мы за тобой! Верно, девчата? Как думаете?

– Гойда! – крикнула от берега Хулиганка.

«Девчата» потянулись к воде. Сначала шли медленно, потом вдруг заторопились, заторопились и выглядели в этот момент такими слабыми и жалкими, что у Елены Олеговны защемило сердце.

К воде не пошли три старухи: маленькая, похожая на ребенка, старушонка, за свой крайне непрезентабельный вид названная Еленой Олеговной Бомжонком, Политик-Ельцинистка и старуха, которая всегда молчала, ходила в плаще с накинутым капюшоном, скрывавшим лицо.

Ельцинистка, не глядя на Бомжонка, виновато сказала:

– Прости меня! Не смогла я найти нужное слово, которое бы дошло до этих глупых и необразованных старух...

Малышка Бомжонок промолчала в ответ.

– Хуже всего то, – продолжала Политик, – что они не хотят ничего знать и понимать.

Малышка молча встала со скамейки и медленно пошла

вверх по дороге к лесу.

Елена Олеговна, глядя ей вслед, вспомнила довольно необычную историю, приключившуюся с ней во второе лето ее пребывания в этой деревне.

* * *

Тогда она еще почти каждый день ходила в лес, купалась в озере и чувствовала себя довольно сносно.

Так вот... Пошла Елена Олеговна в лес, чтобы «раствориться» в природе. Лес она воспринимала как единое живое существо, очень доброе и разумное... Она разговаривала с ним, с деревьями, кустами и даже с грибами и ягодами...

Елена Олеговна шла и пела. Шла и шла, пела и пела. И незаметно оказалась... Не пойми где... Тропинки кончились и, видимо, давно... Она шла просто по лесу, который был не темным, не страшным, не очень дремучим... Нет! Он казался даже весёлым... А она заблудилась. Вот ещё новости! Куда идти, в какую сторону? И пошла Елена Олеговна наугад. Она давно заметила, что понятие «наугад» в её жизни почти всегда срабатывало.

Вдруг шоркнуло что-то в кустах. Показалось, что справа. Елена Олеговна повернула голову. Никого и ничего. Пошла чуть быстрее. И вдруг!.. Перед ней появился лось. Откуда он вышел? Как появился? Лось выглядел гигантским. Елена Олеговна испугалась. Ей сразу вспомнилось прочи-

танное, что лоси забивают противника копытами. Поднимаются на задние ноги, а передние обрушивают на врага. Что делать? Стоять? Бежать? Говорить? Молчать? Лось смотрел на нее и, видимо, тоже соображал. Потом двинулся на Елену Олеговну. Та продолжала стоять, инстинктивно понимая, что бежать бессмысленно. Вдруг дорогу лосю перегородила серая собака, следом за которой из-за деревьев вышла старушка-Бомжонок. Лось повернулся к неизвестно откуда взявшейся старушонке и, сменив маршрут, подошел к той вплотную и ткнул ее носом в щеку. Как будто поцеловал. Старушка достала что-то из холщовой сумки, висящей через плечо, и дала лосю. Тот с аппетитом съел. Собака тоже подошла к старушке и боком толкнула в ногу. Старушка дала гостинец и ей.

– Здравствуйте, – сказала шепотом Елена Олеговна.

– Здравствуйте, – ответила старушонка.

– Это что ли ваши животные? – оправляясь от шока, спросила Елена Олеговна.

– Тут все животные мои. А вам туда, – старушка показала направление, почти противоположное тому, куда собиралась идти Елена Олеговна. Потом повернулась и ушла в лес, не сказав даже «до свидания». Лось и собака ушли вслед за ней.

– Спасибо, – сказала в пространство Елена Олеговна и, постояв немного, пошла в указанном направлении.

И, слава Богу, через непродолжительное время вошла в знакомый лес!

Позже, увидев старушку в деревне, первым делом почему-то подумала: «Где же ее собака?..»

* * *

Все старухи (каждая по-своему) нравились Елене Олеговне. Вот только со старухой-Политиком она никак не могла примириться. Удивляло Елену Олеговну и то, что эту старуху с безумными глазами, не терпящую никаких возражений в адрес своих высказываний и мнений, не просто терпели, но, как казалось Елене Олеговне, ещё и жалели, потакая её самодурству. «Чего они с ней так носятся?!»

Раненая перестроечными годами, старуха так и не смогла освободиться от митинговой страсти той поры. Давно пора бы успокоиться! Но... Никак. Она осталась в том времени, в котором её «герой» стоял на танке... Вокруг – море людей. Все кричат, митингуют... А для неё, одной из жертв перестройки, он, похоже, стоит на танке до сих пор ...

* * *

Выбрались старухи из воды, обсохли немного на солнышке, потом, прячась в кустах и хихикая, как школьницы, снимали с себя мокрое бельецо и натянули платья. Затем снова вернулись к скамейке.

Ельцинистка ждала их и сразу же вернулась к теме начатого ею разговора. Но уже с другой тактикой: не истерически, а ласково.

– Вы меня, девочки, простите, но я хочу произнести то единственное слово, которое объяснит вам главное.

Старухи насторожились.

– А я это единственное слово всегда хочу произнести, когда тебя слышу, – обыденным тоном, безо всякой эмоциональной окраски, сказала Хулиганка.

Ельцинистка, не обратив внимания на «выпад» Хулиганки, продолжила:

– Да. Это единственное важное слово поставит в ваших головах всё на место.

– Смотри-ка! – сказала Ульяна. – Неужели поставит? Смотри, чтоб не повесило!

– Вы поймите! Мне по-другому нельзя!

– «буксовала» Ельцинистка.

– Что «по-другому нельзя»? – не поняла Ульяна.

– Я ищу истину!

– Милая моя, мы-то тут при чем?! – спросила Ульяна. –

Ищи на здоровье!

– Да задолбала же!!! Давайте ее уьем! За нее много не дадут! Может, даже награду какую-нибудь вручат! – снова не выдержала Хулиганка.

– Так бы и сказали... – обиделась Политик и встала со скамейки. Сделала несколько шагов в сторону, постояла немно-

го, вернулась обратно и строгим тоном произнесла:

– Истина заключается в том...

– Нааааа хуууууууу! – простонала Хулиганка.

Ульяна резко сменила тему:

– Слушайте, девчурки, время спеть!

«Девчурки» оживились. Заерзали...

– Начинай, моя золотая! – кивнула Ульяна головой молчунье в капюшоне.

И «золотая» запела. Да как запела! Никогда не слышала Елена Олеговна такого голоса. За всю свою долгую жизнь. Замечательные слышала голоса, изумительные, но... проникновеннее не встречала. А песня всё про того же, потерявшего свою любовь, казака... Старухи подхватили. Пели стройно, складно, душевно. И что удивило Елену Олеговну больше всего – пели по голосам.

Закончилась длинная песня, и старухи, умиротворённые пением, какое-то время сидели молча и смотрели на озеро.

Первой тихо заговорила Ельцинистка:

– Знаете, что... Я, пожалуй, больше не буду говорить о Ельцине...

Никто не сказал в ответ ни слова. Политик спросила за них:

– А знаете почему?

Все снова промолчали. Ельцинистка продолжила диалог сама с собой:

– Из уважения к вашему возрасту.

Старухи засмеялись.

– Почему ты никогда не поёшь и не купаешься в озере? – спросила Ульяна Политика.

– Она боится, что оттуда Ельцин вылезет, – ответила Хулиганка за Ельцинистку.

В ответ та неожиданно закричала во весь голос:

– В Питере при Ельцине вернули монастырю Иоанна Кронштадского здание, а России – её флаг и имя! А ему не с кем было работать! Все ему были враги! Все, все, все!!!

– Чего тебе надо?! Зачем ты её тронула?! – «заругалась» на Хулиганку Ульяна.

– Ну, Ульяна... – стала оправдываться Хулиганка. – Я что ли начала?!

– Я его поддерживала! – кричала безумная старуха, – а вы в это время, все до одной, его гнобили! Я ему письма писала!

– Я знаю! Он их по телевизору читал! – заорала в ответ Хулиганка. – Чего ты нам его навяливаешь?!

– Дуры вы, дуры... – сбавив тон, с укоризной сказала Ельцинистка. – Дуры набитые. Не дано вам от природы ничего и никого разглядеть. Ну, что с этим поделаешь?..

Старухи от этих её «проникновенных» слов снова засмеялись. Но их смех был перекрыт истерическим криком Ельцинистки:

– Ельцин ещё будет добром помянут!! Запомните это!! Ему памятники скоро начнут ставить и святым сделают!!..

И тут снова нежным и чистым голосом запела «молчали-

вая» певунья:

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали.
Ах, кабы на меня да не кручина,
Ни о чём-то бы я не тужила,
Не сидела бы я подпершия,
Не глядела бы я в чисто поле!
И я батюшке говорила,
И я свету своему доносила:
– Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не с хоромами жить – с человеком,
Не с богатством жить мне – с советом!
Ах, кабы на цветы да не морозы...

Песня закончилась... Молчали даже птички и не лаяли во дворах собаки. Все находились под впечатлением чудного пения. И в этот момент, совершенно уж лютым диссонансом, прозвучал выкрик Ельцинистки:

– Он покончил с делом Ленина! Этого конём не пере-едешь!

– И все же я убью её! – закричала Хулиганка и кинулась к старухе, «испортившей песню».

Та, почувствовав серьезность намерения, в испуге отпрянула.

Ульяна перехватила руку разъярённой Хулиганки и с силой, которой в ней ещё было достаточно, посадила ту на скамейку.

– Сиди и не смей вставать! – сказала Ульяна внушительно.

Затем, вплотную подойдя к Ельцинистке, сказала тихо, но грозно, как умела делать только она одна:

– Иди окунись!

– Знаешь, Ульяна... В самом деле... Нина права... – подержала Хулиганку Гламурница. – Как там у Горького в «На дне»? «Дурак! Песню испортил»... Кажется, так...

– Да-да-да! – согласилась с подружкой Историк Анна. – Разве так можно?!

– Ну, ни с того, ни с сего... Как в лужу пёрднула... – развела руками Хулиганка.

– Нина правду говорит, – согласилась Гламурница. – Это просто издевательство! Сколько это еще будет продолжаться?! В результате мы все поумираем, а она останется.

– Вы просто тупые старые коммунистки, – подвела итог Ельцинистка.

– Ты что ли, паскуда, молодая?! – взвилась Хулиганка.

– Это вы мне? – невозмутимо и подчёркнуто интеллигентным тоном поинтересовалась Ельцинистка. – Ты – дерьмо в туалете!

– А-а-а-ах!!! – ахнули старухи.

– Вот тварь! Убью! – Хулиганка снова кинулась к Политику-Ельцинистке.

И опять её перехватила Большая старуха. Она сжимала в своих мощных объятиях худую острую старушку до тех пор, пока та не перестала вырываться.

– Всё равно её убью, – тихим голосом пообещала Хулиганка.

Интеллигентная Анна-Историк высказала своё мнение:

– Об убийстве говорить, конечно, не надо. Даже в шутку. Но Ольгу, правда, надо изолировать. Я вижу выход только в этом.

– Я выбираю первое предложение – убить, – подала свой голос Ельцинистка. – Это гуманнее изоляции.

Сказала и заплакала. Сильно, горько... Сгорбилась еще больше... Почти к коленям...

Старухи примолкли, испугавшись такого поворота событий.

Ульяна подошла к Ольге-Ельцинистке, обняла её и, покачивая словно ребёнка, ласковым голосом стала увещевать:

– Да ты что, милая?! Что раскричалась? Кто он тебе? Отец родной? Или может, брат, сын?.. Оля, Оля! Ты ведь не хочешь вражды? Не хочешь. Я знаю. И мы не хотим. А будешь так себя вести... Задирать всех, оскорблять... Кто-нибудь вызовет машину с санитарями...

– Я нормальная! – вырвавшись из объятий Ульяны, выкрикнула Ольга.

– Я знаю, знаю! – поспешила успокоить её Ульяна. – Но они-то, которые приедут, об этом не знают. Скрутят тебя и

увезут в неизвестном направлении. Вот и подумай: стоит ли твой Ельцин этого? А?

Старухи согласно закивали головами.

– Да вы все не так понимаете! – закричала Ольга, но Ульяна вновь заключила «подругу» в крепкие объятия.

Ольга уже не сопротивлялась, а даже как будто сама прильнула к Большой старухе.

– Ты, Ульяна, хорошая... Но, к сожалению, у тебя есть один недостаток...

– Нет у нее недостатков! – твердо сказала Нинка-Хулиганка. – Ни одного! Ее вчера причислили к лику святых!

– Вот это хорошая шутка! – поддержала Историк.

Даже Ельцинистка улыбнулась.

– Все же есть один. Мне кажется, что ты, Ульяна, на митинги не ходишь.

Старухи захихикали.

– Замечание правильное, – сказала Ульяна, – не хожу.

– Вот видишь?!

– Не моё это дело – митинги. Людей там очень много. У меня голова от них кружится. Могу упасть. А человек я не маленький, поэтому и раздавить могу трех-четырех, которые поменьше...

– Ты не пойдешь, она не пойдет, та тоже не пойдет... Кто же тогда будет ходить на митинги? Кто?! – с осуждением в голосе, спросила Ольга.

– У нас для этого есть ты. Мы для митингов не годимся.

Давай, милая, распределять обязанности. Ты – на митинги, а мы – в лес за грибами и ягодами. Согласна?

– А она к пацанам на дискотеку, – указала на Гламурницу Хулиганка.

И Гламурница поддержала, заорав песню:

«Захочу – полюблю,
Захочу – разлюблю
Бо-га-ты-ря-а-а-а...»

Не дав Гламурнице допеть, вскочила со скамейки Хулиганка с частушкой:

Говорит старуха деду:
– Я в Америку поеду.
Поступлю в публичный дом,
Буду жить своим трудом.

Старухи сначала ахнули от неожиданности, а потом расхохотались. Смеялась у своего окошка и Елена Олеговна. Хулиганка, раззадоренная успехом, продолжила:

А мой милый – мильцанер,
Не боится драки,
Потому что у него
Пистолет на сраке.

– Хватит, Нинка! Уймись! – захлёбываясь смехом, про-

стонала Монашка (Евдокия).

– Да почему же «уймись»?! – вступилась за Нинку-Хулиганку Ульяна. – Кому плохо от её частушек?!

– Давай, Нинка! Спой ещё! – закричали старухи.

И Нинка спела:

Мой милёнок тракторист,

Ну а я – доярочка.

Он в мазуте, я – в говне,

Чем же мы не парочка?

– Ещё, Нинка! Ещё давай! – кричали старухи.

И Нинка «зазвездилась»:

– Сейчас дам. У меня их, этих частушек...!

Мы сидели с милкой рядом,

Обнимались горячо:

Она выбила мне зубы,

Я ей вывихнул плечо.

Не переждав смеха, Нинка запела следующую частушку:

Я нашла заначку мужа

И купила сапоги.

Больше мне они не нУжны,

Он мне вырвал две ноги.

Каждую из своих частушек Нинка сопровождала «притан-

цовкой» и «припевкой»:

– Ух-тюх-тюх-тюх! Ух-тюх-тюх-тюх!..

Старухи (одна, вторая, третья), приподнимая юбки, со смехом бежали в кусты, смеялись в кустах, продолжали смеяться, выйдя из кустов, и на обратной дороге к скамейке.

Нинка «выдохлась», и Ульяна предложила продолжить «концерт» другим старухам:

– А что, девочки? Не одна же у нас Нина такая частушечница! Кто следующий? Выходи!

– После Нинки?!

– А что тут такого?!

Старухи стали отнекиваться:

– Да что ты, Ульяна?..

– Что? Никто не осмелится?

– Я, пожалуй, осмелюсь! – сказала Гламурница.

Старухи со словами одобрения захлопали в ладоши:

– Давай, Люся!

– Молодец!

Гламурница встала перед подругами и запела свою частушку:

Охмуряла я парнишку,

Ой, молоденький какой!

И на вид совсем зелёный!

Оказалось – голубой...

Старухи захохотали, откинувшись назад, а у себя дома на

маленьком стульчике, у самого окошка, слушая частушки «приозёрных» старух, хохотала Елена Олеговна.

Совершенно неожиданно привстал Монашка-Евдокия.

– У меня только одна частушка есть, а больше... не знаю...

– Давай свою частушку!

И Дуняша спела:

В клубе дяденьку судили,

Дали дяде десять лет.

После девушки спросили:

«Будут танцы али нет?»

Старухи аж закричали от восторга.

– У меня – политические частушки! – с места крикнула Анна-Историк. – Пойдёт?

– Пойдёт!

Дума думает раз двести,

Все решают, отклоняют.

Аж мозоль натёрли в месте,

На котором заседают.

– Точно, точно! – «запричитали» старухи. – Верно как схвачено!

– А еще у меня не совсем приличная есть, – продолжила Анна. – Вы уж простите...

– Не бойся, Анюта! Простим! Ещё и спасибо скажем!

– Ну, тогда слушайте:

Мой милёнок – демократ
Лысоват да жидковат.
А достанет рейтинг свой —
Не мужчина, а герой.

Долго после этой частушки не могли успокоиться старухи.
А потом пели еще! И «такими» словами, какие в порядочном обществе не должны бы употребляться, но...

Говоря о планах НАТО,
Не могу, друзья, без мата.
Да и вообще, друзья,
Не могу без мата я!

– А у меня специально для Ольги! Про Ельцина! – вско-
чила Нинка-Хулиганка.

Если б весь народ собрать,
Организовать умело,
Можно солнце обоссать —
Вот бы зашипело!

– Ой! Ой! – застонали старухи. – Прекрати, Нинка! Ей
больше не надо петь!

Смеялись все. Не смеялась только одна старуха. Поли-

тик-Ельцинистка. За весь «концерт» она ни разу не улыбнулась. А в ответ на частушку Хулиганки плюнула и зло проговорила:

– Дуры – они и есть дуры...

Смех притих...

– Пойдем-ка мы с вами... – начала Ульяна.

– На х... – продолжила Хулиганка.

– Почти что... В лес. Разленились вконец, а зима на носу.

– Может, завтра? – заканючила Нинка.

– И завтра пойдём. А теперь... Идите за корзинками...

Старухи встали со скамейки и направились в сторону домов. Не пошла только Ельцинистка. Она сидела, пока её подруги не скрылись из виду, а потом встала и пошла в другом направлении.

«Ну и хорошо, что ушли! – подумала Елена Олеговна. – А то вообще ничего по дому не делаю... Куда это годится?»

* * *

Вечером старухи не пришли. Елена Олеговна даже заволновалась: «Все ли у них в порядке?»

Но утром пришли. Не было только Ельцинистки.

Старухи обсуждали вчерашний поход в лес и гадали, куда могла подеваться Ольга...

Через некоторое время та «появилась на горизонте». Странное дело, но увидев Ольгу-Ельцинистку, старухи обра-

довались.

– Слава Богу! – сказала матушка Евдокия и перекрестилась. – Куда ты делась? Разве можно так?

– А что такое?! – спокойно и даже чуть надменно поинтересовалась Ольга. – У вас что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось, – ответила Историк Анна. – За тебя переживали. Куда пропала? Мало ли что!..

– Я имею право быть там, где хочу и тогда, когда хочу. И говорить, что хочу.

Старухи примолкли. Ольга-Ельцинистка уселась поудобнее на камень напротив скамейки, обвела всех суровым взглядом и заговорила:

– Я хочу сказать... – и замолчала.

– Говори уж! – приказала Ульяна.

– Я хочу сказать... главную правду о... Ельцине.

– Ё... твою мать... – злобно прошептала Хулиганка.

А матушка Евдокия слабеньким голоском сказала, обращаясь к Ольге:

– Может, не надо?

– Надо, моя дорогая! Вечно на скамейке не отсидишься. Вот потянут тебя на верёвке в Гулаг – там и посидишь с полным своим удовольствием!

Старухи и тут промолчали. А Ольге было ещё много чего сказать.

– В противниках у Ельцина ходили: Гайдар, Яковлев, Фёдоров с Руцким... Я вам говорила об этом... Моя правда

именно в том, что в президентском кресле я не вижу никого, кроме Ельцина! Потому на выборах буду вычёркивать всех антимонархистов, и вас прошу делать то же самое.

– Хорошо, договорились! – сказала Ульяна. – Вычеркнем. Если до выборов доползем.

– А теперь давайте отдохнем немножко, – предложила Историк.

Ольгу возмутило предложение Анны:

– Отдохнуть им надо! А?! Вы все как змеи были пригреты на груди у Ельцина! И никакой от вас благодарности! Обидно за него! Как вы этого не понимаете?!

Историк со словами «я, пожалуй, пойду» поднялась со скамейки, но не успела и шага сделать, как в спину ей заверещала Ельцинистка:

– Бежишь?!

– Бегу, – твердо согласилась Анна.

– От правды бежишь?!

– От правды, от правды, – подтвердила Анна. – Так я побегу?

– Обидно за него! Обидно! Не обидно тебе?! Отвечай!

– Обидно... И я бегу от правды...

И Анна заковыляла вверх по тропинке.

Нинка-Хулиганка подскочила к Ельцинистке и прокричала ей в самое ухо:

– А за нас тебе, гадина, не обидно?!

– Вы все здесь сидящие – рабы, а рабов обидеть невоз-

можно.

– А ты кто? – вступила в «беседу» Людмила-Гламурница. – Ты же вместе с нами сидишь?

– Да, сижу! Но мне страшно с вами! А я просто благодарный человек!

– Он же страну развалил! – выпалила Гламурница. – Мы с тобой – осколки её! Мелкие-премелкие!

– Она сама развалилась! Сама! На его месте я поступила бы точно так же!

– Никогда не мечтала о президентском кресле? – ехидно спросила Нинка.

– Провоцируешь?!

– Конечно, нет. Я серьёзно. В следующий раз, когда будут выборы, попробуй.

– Старая я очень, а то можно было бы попробовать... – задумчиво сказала Политик.

Видно, Ульяне стало жаль безумную старуху, и она, подойдя совсем близко к Ольге, сказала тихо и ласково:

– Ну, что ты мудишь? Не надо. Мудишь и мудишь... И всех замудила! А ты ведь такой хороший человек!

– Понимаешь, Ульяна, – доверительно, как другу, сказала Ольга, – Он систему раскачал, и потому я прощаю ему всё, что он сделал не так!

– А я не прощаю, – тихо сказала маленькая старушонка Бомжонок.

– Ты не в счёт, – едва повернувшись к Марии-Бомжонку,

ответила Ельцинистка.

– Куда это годится, Ульяна?! – оскорбилась за подругу Анна.

– Он сделал то, чего не удалось сделать Власову! – закричала Ольга.

Старухи на несколько секунд замерли в ужасе, а потом, не стовариваясь, как по команде, все до одной встали и побрели к берегу. Не смеялись и не разговаривали.

Безумная старуха, продолжая что-то бормотать, осталась одна на своем камне.

Она смотрела вслед уходящим от неё «подругам» и вдруг неожиданно голосом обиженного ребёнка крикнула им вдогонку:

– Сестрицы, куда же вы?..

Елене Олеговне было невыносимо жалко и больную старуху, и её подруг, страдающих от овладевавших Ольгой приступов безумия. Она понимала, что старух не за что осуждать. Они делали всё, что могли: уговаривали, жалели, потакали, ругали, молчали... И что ей дался этот Ельцин?..

* * *

Старухи не пришли ни вечером, ни на следующее утро. Елена Олеговна даже расстроилась... Она уже привыкла к ним.

От расстройства стала варить суп. Тем более, надо было

что-то делать с мясом, которое лежало в морозильнике уже месяца два. М-да... Давно она ничего не варила... Не интересно ей готовить. Скучно... Не интеллектуально...

Пока варила суп, время от времени подходила к окошку и высматривала старух, которые уже прочно вошли в её жизнь и заняли там своё место.

Пришли или не пришли?

Пришли аж к вечеру! Все в сборе. И Ольга с ними. Молчаливая... Старухи смеялись! И... выпивали?!

Ульяна держала в руках бутылку, из которой что-то разливала по пластиковым стаканчикам.

– Мне совсем чуть-чуть, – предостерегла Матушка Евдокия. – Мне от вина плохо...

– Сегодня не будет! – успокоила Ульяна.

– Мне всегда плохо...

– А сегодня не будет. Мы сделали, как наш Профессор велела, – сказала Ульяна и ласково посмотрела на зачуханную старушонку-Бомжонка.

Во как! Оказывается, у этой старушонки есть своя кличка! Профессор! За какие такие заслуги?

– Маша! – как-то особенно уважительно и чуть ли не с поклоном обратилась к Профессору Ульяна, – объясни девочкам, почему от нашего вина им не станет плохо.

И Маша объяснила:

– Раньше люди всегда разбавляли вино водой... – начала, было, старушонка.

– И сильно разбавляли? – поинтересовалась Гламурница.

– На две трети.

– Когда раньше? – грубо влезла Нинка.

– При Ленине?

«Профессор» Мария несколько не смутилась от Нинкиного вопроса и спокойным голосом ответила:

– В Древней Греции, например...

– Вот идиоты! – осудила Нинка древних греков.

А Бомжонок неожиданно заговорила тоном человека, привыкшего читать лекции:

– Для разбавления вина древним грекам служили специальные сосуды, которые назывались кратерами. Это смесители, если перевести буквально...

– Поняла, ЧТО бухАть будешь? – обратилась к Евдокии Нинка-Хулиганка. – Смеситель, едрена шишка! Полезный, б....! И тошнить не будет!

А Профессор-Бомжонок снова стала маленькой и самой незаметной старушкой.

Ульяна подняла свой стаканчик:

– За День нашей матушки России!

Старухи потянулись своими стаканчиками друг к другу.

– Дай Бог нашей России здоровья! – сказала Евдокия.

– Дай Бог, дай Бог! – закивали старухи.

И вдруг, совершенно неожиданно для Елены Олеговны, Ульяна посмотрела на её окошко, приподняла стаканчик, как бы приветствуя хозяйку, и улыбнулась. Потом что-то шепну-

ла стоящей рядом Гламурнице. Та тоже глянула в сторону Елениного дома и тоже улыбнулась.

Елена Олеговна тотчас отошла от окна.

«Могла бы, колода ленивая, хоть занавеску на верёвочке повесить!» – ругала себя Елена Олеговна.

Она была уверена, что её не видят, а она-то, видно, уже давно заподозрена в «шпионаже»...

«Самоуверенная глупая старуха! Позор! И что теперь делать?! Не наблюдать за старухами? Не слушать их разговоры?! Невозможно. Значит, надо вешать занавеску... Но ее надо где-то взять... Где? Вот большая коробка. Ещё с позапрошлого лета не разобрана. Что там – никто не помнит... Возможно, и занавеска... Ладно, завтра посмотрим...»

* * *

Но «завтра» с утра начался новый виток разговоров о политике.

Пригнувшись, чтобы не заметили, прокралась Елена Олеговна с маленькой табуреткой к окну и села так, что её почти не было видно. Лишь седой хохолок торчал над подоконником.

Сегодня говорили о Сталине, о Ленине, о войне, о революции, «подмешивая» к этому разговору, конечно же, Ельцина...

Елене Олеговне было, с одной стороны, интересно и уди-

вительно слушать грамотные, а порой и просто неожиданные высказывания старух об истории России. А с другой стороны, чего зациклились на политике?

Подумала даже выйти к ним и спросить: «Зачем столько времени, которого и так осталось мало, спорить о том, что уже не имеет для нас никакого значения? Есть много других важных тем! Например, дети... Ещё можно про животных поговорить. Вот собаки, кошки... О природе надо говорить. Мы её плохо знаем. Писатель Солоухин знал каждую безымянную травку. Знал и понимал, для чего каждая из этих травок и былинки появилась на свет. А мы? Мы даже деревья не всегда отличаем друг от друга...»

Но не вышла Елена Олеговна к старухам, и потому ничего им не сказала. Просто слушала...

Старухи замолкли. То ли сказали обо всём, что знали, то ли передохнуть решили... Пауза... Хорошая такая, красивая...

– И что же там происходит?... – ни с того, ни с сего, непонятно про что, задумчиво глядя на озеро, спросила Гламурница.

– Где там? – так же отрешенно поинтересовалась Анна-Историк.

– Где-где? – лирично переспросила Нинка, и сама же ответила на вопрос. – В п. де.

– Что происходит там, меня давно уже не интересует... – печально призналась Гламурница.

– Она про мировую закулису говорит, – шутливо объяснила Нинке Историк.

Ольга-Политик, услышав слово «закулиса», живо подхватила тему:

– Пока эту закулису не уберём, ничего у нас с вами не получится!

– Это правильно, – согласилась Хулиганка. – Сейчас посидим, скамейку пропердим, как следует, и пойдём закулису убирать.

– Ее никто, кроме Бога, не уберёт, – сказала матушка Евдокия, – а поэтому давайте ещё помолчим.

И тут закричала Ольга:

– Для тебя твой покой – самое главное! А жизнь – это борьба! Слышишь?!

– Ничего она не слышит, – вступилась за подругу Нинка, – а потому попроси для неё у мировой закулисы слуховой аппарат.

Старухи засмеялись. Этот смех разозлил Ольгу.

– А-а-а! Аппарат вам нужен! У вас только материальные озабоченности!.. Да ещё сексуальные!

Старухи захохотали!

– Ой, не могу!.. – стонала Анна-Историк. – У меня – точно! Сексуальных даже больше, чем материальных!

– Я просто обоссалась! – прокричала сквозь смех Нинка.

– Да пошли вы в задницу, – сказала обреченно Ельцинистка-Ольга и заковыляла по дорожке к центру деревни.

– Так бы и накостыляла ей! – совсем не зло проворчала Нинка. – Больная, так пусть лечится!

– Где ж ей лечиться? – спросила Гламурница Людмила. – В лесу?

– В лесу много хорошего, – сказала старушка-Бомжонок. – В лесу можно лечиться. Более того, кроме леса здесь у нас с вами нет союзников. Нужно травы собирать.

– Так мы же не знаем, какие...

– Я знаю. Почти все. Идёмте со мной в лес. Хоть сейчас. А завтра, к примеру, можно в поле сходить...

– Давай лучше завтра. Сразу в поле, – хохотнула Нинка.

– Ай, девки, девки! – укоризненно сказала Ульяна. – Дело тут у нас одно назревает...

– Какое еще дело? – встрепенулись старухи.

– Банк брать пойдем? – деловито спросила Нинка. – Надо чулки постирать и заштопать, чтоб на голову надевать.

– Да ладно тебе! Дело-то нехорошее... Ольга письмо от дочки получила.

– И что? – настороженно спросила Историк Анна.

– Собирается приехать за матерью.

– Опять?! – всполошились старухи.

– Ужас! – вскрикнула Анна. – И когда?

– Вот этого не знаю. Я читала письмо. Там написано, что скоро... И в этот раз, я уверена, так легко не отделаемся...

– Вот и капец нашей Ольге, – совсем не зло подытожила Нинка.

– А ведь легче нам не станет... – сказала Гламурница.

– Скорей всего... – согласилась Историк.

– И знаете почему? – поддержала матушка Евдокия. – Потому что заповедано людям друг друга тяготы носить...

– Ну да... – подытожила Ульяна. – Вот такое, девчурки, у нас с вами нехорошее дело...

– Достанется ей там! – пожалела Ольгу Гламурница Людмила.

– Не станут её там терпеть, – со знанием дела сказала Анна. – Это мы тут с ней носимся. И то не выдерживаем...

– Она там долго не проживёт, – неожиданно сочувственно сказала Нинка. – Там, я думаю, хуже, чем в тюрьме... Умрёт она там... скоро.

Людмила-Гламурница сделала попытку разрядить атмосферу печали:

– Всё же она там будет не одна... Там будет много таких...

– Молиться надо, – сказала Евдокия.

– Будем молиться, – согласилась Ульяна.

Посидели молча, да также молча и разошлись...

* * *

По-прежнему приходили старухи по утрам к озеру, но разговаривали, по сравнению с прежними днями, меньше.

– В Коми дом престарелых сгорел, – как о чём-то неизбежном и, в то же время, обыденном, – сказала одна из них.

– Да это уж не первый... – подтвердила другая.

Матушка Евдокия перекрестилась при этих словах.

Ульяна разозлилась:

– Что, говорить больше не о чем?!

– А им по радио и по телевизору тоже не о чем? Жгли бы молча. Ещё и сообщают.

– Заботятся, – усмехнулась Нинка.

– А вы, как услышите, что об этом говорят, так сразу и выключайте, – посоветовала старухам Ульяна.

– А вы слышали, девчата, что дом престарелых называют иногда домом ветеранов?

– Да, да! Тогда солиднее получается: «Сгорел дом ветеранов...»

Старухи засмеялись.

– Ничего смешного нет! – резко сказала матушка Евдокия.

– А, по-моему, очень даже смешно! – возразила подруге Нинка. – Жгут и остановиться не могут. Думают, надо бы заканчивать, а потом: «ну давай еще немножко пожжем, а потом – все!» Разве не смешно?

И Нинка заплакала.

– А вот нам сейчас наша Настенька споёт, – перебила тягостный разговор Ульяна. – Спой, Настенька, песню, которую ты в поле пела. Помнишь? Мы с тобой вдвоем гуляли...

И всегда молчащая старуха в капюшоне, не дожидаясь общего мнения, запела:

У меня есть доченька,
Доченька любимая,
Доченька красивая,
Доченька счастливая.
У меня сыночек есть,
Сыночка красивенький,
Сыночка любименький,
Сыночка счастливенький.
Каждый день молюсь за вас,
Детьнышки красивые,
Детьнышки любимые,
Детьнышки счастливые.
Отзовитесь, деточки!
Отзовитесь рОдныя!
Пожалейте мымыньку,
Пожалейте стареньку!..
У меня есть деточки...

– Все грустное и грустное... – сказала после песни крас-
ногубая Гламурница.

– Веселое есть в репертуаре? Вот я сегодня во сне, напри-
мер, танцевала.

– Одна? – спросила Историк.

– Нет, – кокетливо ответила Гламурница.

– И как он к тебе отнесся?

– Я не поняла... Сон быстро кончился, – в той же шутили-
вой манере ответила Людмила.

– Ничего страшного! – сказала Анна. – В другом сне спросишь... Так и спроси: «Иосиф Виссарионович, как вы ко мне относитесь?»»

Гламурница засмеялась от неожиданного «поворота». Вместе с ней засмеялись и другие старухи.

Ульяна подошла к Настеньке-Певунье и попросила пере-сесть. Та послушно встала, обошла скамейку и села с другой стороны спиной к окну Елены Олеговны. Ульяна сняла со старухи капюшон, освободила ее волосы из косы и стала расчёсывать их гребнем, вынутым из кармана платья.

«Надо же, – подумала Елена Олеговна, – волосы-то у Певуньи и не седые совсем...»

Настенька едва заметно, на одно мгновение, прильнула к Ульяне и тут же отклонилась обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.